

КОЛОНИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЙ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 930:1

doi 10.17072/2219-3111-2023-3-5-17

Ссылка для цитирования: Шипицына Ю. С. Оправдание Джона Локка: «натурализация» британского империализма? // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 3(62). С. 5–17.

ОПРАВДАНИЕ ДЖОНА ЛОККА: «НАТУРАЛИЗАЦИЯ» БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА?¹

Ю. С. Шипицына

Уральский федеральный университет, 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19

shipitsyna.phd@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6257-0995

ResearcherID: rid59708

Scopus Author ID: 57233239300

Статья посвящена проблеме переоценки интеллектуального наследия Джона Локка. Разоблачение «Мифа о Данном» в традиции эмпирической философии, реконструкция политического контекста создания «Двух трактатов о правлении», а также критика со стороны историков-постколониалистов во второй половине XX в. поставили под сомнение авторитет философа. В статье проанализированы существующие в зарубежной и отечественной историографии традиции обвинения и защиты Дж. Локка. Традиция обвинения связана с такими фактами биографии Локка, как участие в написании Конституции Каролины (1669) и владения некоторыми территориями этой колонии, близость к Энтони Эшли Куперу, третьему графу Шефтсбери, а также обстоятельствам так называемого «кризиса исключения». Однако наибольший резонанс вызывает логика аргументации принципа гомстеда, изложенная в «Двух трактатах о правлении». Традиция защиты стремится учитывать комплексный характер биографии Локка и интеллектуального контекста его сочинений. Автор обращает внимание на актуализацию в работах историков последнего десятилетия профессионального опыта Локка в сфере медицины. Глубокие познания в естественной истории и многолетняя врачебная практика не только оказывали влияние на этический портрет философа, но и определяли его логику аргументации. Излюбленной стратегией подкрепления своих воззрений у Локка оказывается натурализация – «оестествление» социальных отношений и обращение за примерами и доказательствами к природным феноменам. Новизна исследования определяется также тем, что дискурс оправдания Дж. Локка рассмотрен с точки зрения эмоциональной рефлексии профессиональных историков и общего кризиса исторического сознания, попытки разрешения которого воплотились в понятии «прошедшего прошлого».

Ключевые слова: Джон Локк, Томас Сиденхем, научная революция, империализм, деонтология, натурализация, «прошедшее прошлого».

Думать о Джоне Локке сегодня непросто. Со второй половины XX в. его авторитет политического мыслителя и философа, сформулировавшего принципиальные положения английского «здорового смысла», находится под вопросом – главным образом ввиду распада и исчезновения колониальных империй и появления постколониального подхода к историческим исследованиям. Однако самые первые критические суждения в адрес Локка были сформулированы в западной историографии по иным поводам.

Американский философ Уилфрид Селларс в своем программном эссе «Эмпиризм и философия сознания» (1957) подверг критике основания эмпирической гносеологии нового времени, развенчивая так называемый «миф о Данном» – познавательную установку, исходящую из того, что окружающий человека мир предзадан и открывается ему в процессе сознательного восприятия таким, какой он есть. У. Селларс описывает Локка вместе с Д. Юмом и Дж. Беркли как основных проводников этого эмпирического подхода к познанию. Прослеживая истоки и даль-

нейшее развитие «мифа о Данном», Селларс развенчивает его и предлагает решение проблемы дуализма научного и наличного миров [Селларс, 2021]².

В области политической философии статус Локка как основателя либерализма пошатнулся ввиду масштабной реконструкции контекстов появления его политических трактатов. Так, подготовка к новому изданию «Двух трактатов о правлении», осуществленная в 1960 г. Питером Ласлетом (Locke's Two Treatises of Government..., 1960), привела историка к открытию новых контекстов создания этого сочинения и породила продуктивную дискуссию о датировке, в ходе которой были предложены различные трактовки обстоятельств, окружающих Локка, источников заимствования и главное – мотивации автора к написанию трактатов [Яковлев, 2013, с. 124–177]³.

Интересно, как описывает Квентин Скиннер впечатление от беседы с Ласлетом: «Я был поражен тем, как он сам оценивает значение [своего открытия]. По его мнению, он показал, что трактат Локка был, по сути дела, партийно-политическим памфлетом. Ласлет считал, что, показав, каким образом он [трактат] вырос из частного политического кризиса, он понизил его в ранге, лишил места в каноне, поставив под сомнение его якобы внеисторический характер и особое значение. Насколько мне помнится, по его словам, он показал, что Локк не должен ставиться в один ряд с такими систематическими авторами, как Гоббс, в отношении которого подобного рода анализ невозможен» [Там же, с. 154].

Обнаружение новых фактов биографии Локка, внимание к окружению и внутренней мотивации мыслителя, а также попросту указания на логические ошибки побуждали исследователей к переосмыслению значения его интеллектуального наследия. Наиболее яростной критикой отличились сторонники постколониального подхода к интерпретации текстов Локка.

«Во всей Европе было трудно найти человека, который превзошел бы Локка в деле обоснования и развития идеологии колониализма. Еще труднее было отыскать такого европейского просветителя, который принял бы самое активное участие в ее практической реализации, выполняя функции служащего колониальной администрации», – в таком подчеркнуто разоблачительном ключе сегодня описывают интеллектуала российские исследователи с опорой на труды британских специалистов [Тимонин, 2016, с. 148]. В работах Ричара Така [Tuck, 1999], Джеймса Тулли [Tully, 1995], Джеймса Фарра [Farr, 2009], Барбары Арнейл [Arneil, 1992, 1994] и других Локк предстает как главный идеолог колониальной экспансии Британской империи. Это мнение строится на двух фактах: во-первых, личного колониального опыта Локка, а именно занятия им должностей в Совете по торговле и плантациям и участия в написании конституции для североамериканской колонии Каролина; во-вторых, теории собственности, изложенной Локком во «Втором трактате о правлении» (1689), в частности так называемого принципа гомстеда в отношении terra nullius (пустующих земель), – теории, традиционно трактуемой в качестве обоснования прав колонистов на присвоение осваиваемых им территорий [Armitage, 2000]⁴. И то, и другое, как справедливо замечает Д. Армитадж, «отбрасывает тень на политическую философию Локка» и, если мы хотим и дальше использовать для ее обозначения понятие «либерализм», то «следует различать исторические особенности империалистического и колониального либерализма» и выработать понятия «различных постколониальных либерализмов» [Armitage, 2012, p. 111].

Служба в семье Энтони Эшли Купера, графа Шефтсбери (1621–1683), определяла не только вовлечение Локка в орбиту политических интриг, инициированных его покровителем, но также и административную деятельность в качестве неофициального секретаря лордов-собственников колонии Каролина в 1669–1675 гг., а в 1673–1675 гг. – официального секретаря и казначея государственного Совета по торговле и плантациям [Гомплиб, 2020, с. 118–119]⁵. Кроме того, выраженный интерес Локка к колониям сообразен свойственному ученым того времени стремлению предсказать и извлечь экономическую выгоду из изучения и культивации новых видов растений, произрастающих на осваиваемых территориях [Esterbay-Smith, 2018].

Еще в 1671 г. Локк получил наследственное дворянское звание ландграфа Каролины и вместе с ним патент на земельные владения, а в 1674 г. его именем был назван небольшой остров в устье р. Эшли⁶. Помимо земельного надела и административных обязанностей, личный колониальный опыт Локка определялся владением пакетами акций компании «Багамские пред-

приниматели», а также акциями Королевской африканской компании, владевшей монополией на торговлю рабами на западном побережье Африки. По подсчетам историков, эти инвестиции приносили Локку большую часть доходов [Яковлев, 2013, с. 160]. Судя по всему, желание сохранить и приумножить финансы руководило мыслителем при составлении конституции Каролины в 1669 г., по которой в колонии устанавливалось рабовладение, или, как его характеризует А. Яковлев, «крепостное право» [Там же, с. 164]⁷.

В 1660-е гг. Локк защищал консервативный авторитаризм: «Никто не может иметь большего уважения и почтения к власти, чем я... Всеобщая свобода – это всего лишь всеобщее рабство» [Готтлиб, 2020, с. 183]. Череда общественно-политических кризисов, свидетелем и косвенным участником которых станет Локк в 1670–1680 гг., повлияет на трансформацию его политических убеждений. Вышедшие анонимно в 1689 г. «Два трактата о правлении», декларирующие всеобщее равенство и содержащие попытку обоснования «естественных» прав человека, позднее громко переопределяют статус Локка как «основателя либерализма».

Коммерциализация освоения Каролины, равно как и частные интересы в политическом конфликте, побудившие к созданию «Второго трактата о правлении», служат историкам «уликами», изобличающими расхождение между высокой мыслью Локка и его практической деятельностью. В работах Джеймса Тулли впервые появляется утверждение, что сами тексты Локка противоречивы, а философские построения ошибочны [Tully, 1993]. И если в случае со Вторым трактатом и Каролиной в оправдание Локка историки могут лишь развести руками – ничто человеческое, а именно заблуждения и смена взглядов, не было чуждо философу, то в отношении положений его философии «линии защиты» строятся вокруг контекстуализации воззрений Локка.

Американский историк Томас Уилсон призывает трезво оценивать работу Локка над проектами конституции Каролины. Он отмечает, что поначалу рабовладение играло значительную роль в экономике большинства американских колоний. По его мнению, Каролина времен Локка – это «колония, в которой присутствуют рабы» (англ. colony with slaves), а Каролина 1780-х гг., когда рабовладельцы Барбадоса стали определять ее политическое развитие, – уже подлинно «рабская колония» (англ. slave colony), и эти две Каролины, между которыми во времени пролегает столетие, – совершенно различные общества [Wilson, 2016]. Кроме того, Уилсон предпринимает попытку разграничить реальный вклад Локка и Шефтсбери в создание текстов проектов и шире – в формирование американской политической культуры [Ibid., p. 233]⁸.

Более подробно мы рассмотрим попытку защиты мыслителя, предпринятую австралийским исследователем Полом Коркораном. Он доказывает, что, во-первых, к моменту написания и публикации «Двух трактатов о правлении» Британия уже не нуждалась в апологии империализма. Английская колониальная идеология существовала почти за столетие до Локка и была в общем виде сформулирована Ричардом Хаклюйтом. Более того, эта идеология «успешно справлялась» с задачами колонизации [Corcoran, 2007, p. 5].

Во-вторых, принцип *vacuum domicilium*, использованный Локком в рассуждениях о теории собственности, является не более чем риторической фигурой. Коркоран приводит еще один пример упоминания этого принципа, подчеркивая его концептуальный характер, в работе преподобного Джона Хиджессена Салемского (1689). Хиджессен использует этот принцип, объясняя, «почему все земли Новой Англии не принадлежат английскому королю» [Ibid., p. 11]. Но ни в одном законодательном документе, регулирующем колониальные отношения, принцип гомстеда не фигурирует [Ibid., p. 9].

Коркоран убежден, что в контексте реалий XVII в., в принципе гомстеда не было никакой практической необходимости: заключение сделок между колонистами и коренными американцами в отношении приобретаемых земель происходило в соответствии с законодательными нормами организованных поселений и торговых компаний и не предполагало ни отчуждения, ни присвоения земельной собственности [Ibid., p. 18].

Земли, занятые коренными американцами, не пустовали: индейцы справлялись с их обработкой, выращивая кукурузу и даже обучая этому колонистов, о чем сохранились свидетельства. Локк очень хорошо знал об этом, он был знаком с обширной литературой, посвященной описанию быта туземных народов [Talbot, 2010]. По мнению Коркорана, Локк был уверен, что

индейцы используют не весь потенциал своей земли, что она может приносить большой урожай, однако не выводил из этого основания для колонистов на попрание права собственности индейцев [Corcoran, 2007, p. 6].

Если то, что Локк был лично заинтересован в получении максимальных доходов от владения землей и закрепляемые конституцией Каролины нормы мыслились как необходимые для компенсации вложений всех вкладчиков, не вызывает сомнений, то распространение сформулированной Локком теории собственности, как и упоминание им принципа *vacuum domicilium* на характер взаимоотношений между колонистами и коренными американцами, – укоренившаяся спекуляция, требующая опровержения или доказательств в отношении влияния на последующие поколения переселенцев, осваивающих американский континент [Ibid., p. 5]. По сути Коркоран, зацепляясь за саму формулировку обвинения сторонников постколониального подхода, максимизирует ее и тем самым стремится показать, что Локк не может быть ответственным за то, что Британия XVII–XIX вв. – империя.

Вопрос о степени вины Локка в расширении имперской экспансии Британии в XVIII и XIX вв. и выборе методов управления нескольких поколений колониальных чиновников требует не столько уточнения истории создания «Двух трактатов о правлении», сколько создания истории прочтения этих и других текстов философа. Пока нам известно лишь о том, что «в 1714 г. администрация Ост-Индской компании читала “Опыт о человеческом разумении”; в 1796 г. Артур Уэлсли, будущий герцог Веллингтон, имел в своем багаже труды Локка, [отправляясь в Калькутту]; и, вероятно, работы Локка составляли основу познаний об экономике Филиппа Фрэнсиса. В 1769 г. Уоррен Гастингс изъявлял надежду на то, что “[сочинения] Локка, Юма и Монтескье в достаточном количестве будут разосланы в каждый департамент” Ост-Индской компании с целью улучшения управления в Индии. Какое разочарование, верно, было ему уготовано в этом желании иметь подходящих чиновников-локкианцев» [Armitage, 2012, p. 111]. Столь фрагментарных свидетельств о наличии книг Локка на полках колонистов и миссионеров недостаточно, чтобы осудить философа.

Итак, почему в последние два десятилетия дискуссия о Локке разворачивается в рамках дискурса осуждения – оправдания? И почему новейшие варианты его интеллектуальной биографии оставляют странное впечатление существования нескольких Локков: Локка – политического философа, Локка-колониалиста, Локка – ученого и врача?

Возникающее в связи с Локком ощущение «историографической растерянности» и разочарования мы предлагаем рассмотреть из двух методологических предпосылок: во-первых, «в контексте экологии воспоминаний и формирования аффективной памяти» – такого направления в рамках истории эмоций, последователи которого не просто исследуют «эмоциональные режимы» [Reddy, 2001] и «эмоциональные сообщества» [Rosenwein, Cristiani, 2018] в историческом контексте, но стремятся зафиксировать и понять собственные эмоциональные переживания, испытанные в ходе работы над конкретным сюжетом, по отношению к той или иной исторической личности [Баркли, 2019]; во-вторых, в русле переосмысления историзма, а именно – понятия «прошедшего прошлого» (англ. *pastness of the past*), которое теоретики, такие как Бербер Бевернаж, призывают отделять от хронологического предшествования: прошедшее прошлого «никогда не может выводиться из простого наблюдения и не может быть полностью эмпирически определена», поскольку «отчасти создается на основе рамки интерпретации, которая имеет конкретную географическую и социокультурную локализацию (то есть не может быть универсальной)» [Бевернаж, 2021, с. 68]. Бевернаж исходит не из абстрактных рассуждений о природе прошлого и настоящего, но на конкретных примерах современных дискуссий об истории рабства и расовой дискриминации показывает важность «внедрения» истории в современный общественно-политический дискурс и вместе с тем необходимость пресечения идеологических спекуляций в отношении истории [Там же, с. 73–75].

Объединив два вопроса: каким эмоциональным посылом обладает для нас сегодня колониальный контекст наследия Дж. Локка и как этот эмоциональный посыл рождает современный дискурс оправдания? – мы сможем более сдержанно оценивать наследие интеллектуала и, что еще важнее, сделать эти оценки продуктивными. «Изучение того, как производятся, оспа-

риваются или полностью отвергаются конкретные смыслы прошедшего» [Там же, с. 87], иными словами, отказ от идеи эмоциональной нейтральности ремесла историка и исследовательская рефлексия способны сделать гораздо больше, нежели «переклейка ярлычков» на портретах известных личностей.

Пафос обличения слабой этической позиции прославленного философа сегодня рождается из близости двух времен – локковского и текущего современного. Эмоции разочарования и продиктованный ими дискурс оправдания появляются сегодня потому, что мы вглядываемся в его идеи, формулировки и содержание которых по-прежнему получают высокую оценку. Как утверждает Мэрилин Стратерн, британская исследовательница в области социальной антропологии, «материально значимо то, какие идеи мы используем, чтобы мыслить (с ними) другие идеи» [Харауэй, 2020, с. 30]. В случае Джона Локка материальное и практическое значение его идей определялось как минимум самочувствием вверявших ему свои жизни пациентов и как максимум настроением читателей «Опыта о человеческом разумении», «Двух трактатов о правлении», «Послания о веротерпимости» и пр., а также их готовностью применить образ и логику мышления автора на практике. «Здравый смысл», эмпиризм и либерализм вплетены не просто в интеллектуальную культуру наших дней, но в саму повседневность современности. Тем не менее эти идеи, как мы убедились, имеют и мощную традицию критики. Что действительно ускользает от нашего внимания, так это способ, с помощью которого Локк, его сторонники и противники артикулировали свои идеи.

Наш тезис заключается в том, что с Локком нас сближают сегодня не столько теория собственности, сколько используемая им «стратегия натурализации» этой теории.

Натурализации посвящено исследование Лоррейн Дагстон «Против природы» (2019). Склонность человека искать подкрепления общественно-политическим установками и этическим ценностям она объясняет богатством репрезентативных возможностей природного мира – настолько обширным, что оно используется в защиту самых разных убеждений: «В Древней Индии и Древней Греции, Средневековой Франции и Америке Эпохи Просвещения так же, как и в ходе непрекращающихся сегодня дебатах по поводу гомосексуальных браков или генетически модифицированных организмов, люди с готовностью соединяют в одно природный и моральный “порядки” (англ. orders) и “беспорядки” (англ. disorders). <...> Природа прочно связывается с эмансипацией, выступая гарантом человеческого равенства, и одновременно – с порабощением, становясь идейной основой расизма. К авторитету природы обращаются реакционеры и революционеры, богословы и светские теоретики. В многообразных и непохожих друг на друга культурах природа воспринимается как такой же ценностный паттерн, как Благо, Истина или Прекрасное» [Daston, 2019, p. 3]. Дагстон убеждена, что продвигаемый Локком принцип гомстеда, согласно которому человек имеет тем больше прав на землю, чем больше усилий он приложил к ее возделыванию, в основании своем скрывает априорную уверенность в несомненном благе освоения природных ресурсов и широко известных натуралистических познаниях доктора Локка [Ibid., p. 59].

В последние два десятилетия заметно появление принципиально нового подхода к изучению наследия Локка – в фокусе историков оказывается Локк – врач и естествоиспытатель. Знакомство и сотрудничество с Исааком Ньютоном, Робертом Бойлем и Томасом Сиденхемом не просто любопытный факт его биографии. В общности разделяемого ими интеллектуального посыла кроются, как отмечено выше, ключ к популярности сочинений Локка, но также ведущий способ обращения со знанием о природе – в качестве основания для оформления морально-ценностных и социально-нормативных установок⁹.

Известно, что после нескольких лет обучения в Вестминстере Локк получил возможность в 1652 г. поступить в Оксфорд, в колледж Крайст-Черч. Традиционное схоластическое обучение здесь включало в себя риторику, грамматику, геометрию, этику и греческий язык. Позднее в «Опыте о человеческом познании» Локк назовет схоластику «ученой галиматейей» и «массой пустого, непонятного шума и говора, особенно в вопросах морали» (Локк, 1985, с. 550, 553). В 1658 г. Локк получил степень магистра искусств и занялся преподаванием греческого, риторики и этики по традиционной программе в должности лектора-ассистента, а затем наставника,

однако более половины его библиотеки в этот период составляли труды по медицине и естественной истории [Яковлев, 2013, с. 82]. Серьезное увлечение Локка естественной историей и медициной не позволило ему получить здесь степень доктора, поскольку избранный в этой области путь существенно отличался от общего курса. Локк ассистировал Р. Бойлю в его химической лаборатории, посещал семинары докторов Петера Штала и Томаса Уиллиса, принимал участие в анатомических экспериментах на животных, а в 1666 г. специально отправился в Сомерсет для проведения метеорологических наблюдений. Одновременно он участвовал в короткой дипломатической поездке в Клеве¹⁰, однако не считал для себя возможным продвижение по дипломатической службе и, вернувшись, на пару с оксфордским доктором Дэвидом Томасом открыл аптеку. Именно в этой аптеке произошло его знакомство с графом Шефтсбери, членом Тайного совета короля, впоследствии ставшим лордом-канцлером.

«Факт остается фактом: будучи вовлечен в орбиту политической деятельности Шефтсбери, Локк так или иначе участвовал в политических событиях своего времени. Возможно, что сам он не вполне понимал, что происходит. Это всегда случается с теми, кто вовлечен во что-то, но не видит всей картины в целом. Следует помнить, что Локк не был политиком, он был врачом и ученым», – так А. А. Яковлев расставляет акценты в биографии Локка [Там же, с. 152]. Об универсализме мышления Локка-ученого и его ментальном дистанцировании от английской имперской повседневности писала и Энн Талбот: «Он не просто писал о правах и свободах англичан в контексте Англии конца семнадцатого столетия. Это универсальное качество работ Локка во многом обусловлено его обращением к литературе путешествий; и универсализм, и опора на тексты путешественников оставались ведущими характеристиками мысли позднего Просвещения. Что такая литература действительно давала Локку, так это способ вырваться из интеллектуального контекста своего окружения. Локк жил в обществе, над которым довлели абсолютизм и крайние формы социального неравенства, но писал о равенстве и свободе, как интеллектуальном, так и политическом. Литература путешествий была не единственным повлиявшим на него источником, но сыграла по-настоящему важную роль в отстранении от общества, в котором он жил, и позволила помыслить другие формы социальной организации, иные системы мышления» [Talbot, 2010, p. 18–19].

В 1668 году Локк вступает в Лондонское королевское общество и начинает работать в его комитете, осуществляющем контроль за проведением новых экспериментов [Готтлиб, 2020, с. 189]. С 1671 г. в доме Эшли организуется дискуссионный клуб, на собраниях которого хозяин дома, Локк, публицист Джеймс Тирелл, врачи Т. Сиденхем и Джон Мейплтофт ведут разговоры о политике, философии, науке и морали. Именно в этих дискуссиях рождается замысел проследить логику человеческого рассуждения и вывести ее основания и пределы – «изучить свои собственные способности и посмотреть, какими предметами наш разум способен заниматься, а какими нет» (Локк, 1985, с. 82). Замысел, воплощением которого станет «Опыт о человеческом познании», – пример сенсуалистской гносеологии, воспевающей непосредственное восприятие наблюдаемых явлений реальности, но вместе с тем постулировавшей ограниченность человеческого познания.

Проведенные Питером Энстеєм и Джоном Барроузом в 2009 г. исследования авторства и датировки двух медицинских трактатов «De arse of Medica» и «Anatomia», традиционно приписываемых Сиденхему, позволяют утверждать, что единственным их автором является Локк [Anstey, Burrows, 2009, p. 42]. Выступления против суицидов и аборт как вероломных случаев попрания права на жизнь [Short, 2004]; убеждение в том, что забота о здоровье своего тела не привилегия, но долг каждого человека, который стремится к личному благу и благу всего общества [Crignon, 2022]; наконец метод лечения, основанный на представлении о том, что болезнь – особое состояние, которое требует тщательного наблюдения и лечения, исходя из характера своих проявлений, а не индивидуальных особенностей пациента [Sanchez-Gonzales, 1990], – таковы взгляды, которые отстаивал Локк, ученик и соратник Сиденхема. Все это служит аргументами в пользу тесного переплетения его эмпирически ориентированного бэкграунда, проистекающего из занятий естественной историей и медициной, и философии, изложенной позднее в «Опыте о человеческом разумении». Когда говорят о принципах врачебной этики

Локка, характеризуют их как деонтологические¹¹ – основанные на чувстве долга, мотивирующие на действие и порицающие бездействию в отношении облегчения состояния пациента. Пользуясь классификацией врачебной этики, предложенной Робертом Бейкером [Baker, 2007], Локк может быть отнесен к числу «сочувствующих докторов» (англ. *sympathetic physician*). «Сочувствующий доктор» – это тот, кто реализует этику на практике, способствуя укоренению новых подходов к врачеванию, тогда как «отстраненный доктор» (англ. *unsympathetic physician*) лишь заимствует этико-философские построения для теоретических обоснований своих методов.

Философия и этика познания Локка являются в своем роде квинтэссенцией механистического мировоззрения, возникшего с момента «изобретения галилеевых объектов» – открытия гелиоцентрической системы и возникновения взгляда на Землю и все природные объекты извне – с точки зрения «бесконечной вселенной» [Латур, 2019, с. 117–118]. Такой отстраненный, дистанцированный взгляд на вещи приводит в дальнейшем к требованию объективного наблюдения и непредвзятого описания в научных исследованиях, а в отношении морали – к распространению этики утилитаризма, воспевающей прагматизм и практичность как главные человеческие добродетели. Свойственные этосу натуралиста и доктора прагматизм и практичность определяют стремление Локка узнать как можно больше о природе и населении колоний, побуждают составлять натуралистические коллекции, записывать лекарственные рецепты и сведения о сельскохозяйственных опытах.

Именно указания на прочную взаимосвязь философии и профессиональной практики доктора Локка способны привести нас к пониманию единства его личности и по-новому определить значение того факта, что и в своих рассуждениях о собственности он оставался прежде всего натуралистом, верным тому нововременному понятию природы, что внесет кардинальное, теоретически обоснованное разделение и разъединение между людьми и животными, между метрополией и колониями, между «белым человеком» и коренными народами, а также придаст утилитарному принципу пользы качество выдающейся добродетели, безусловного блага, к которому единственно стоит стремиться.

«Природа верно заложила меру собственности в пределе труда человека и благоустройства жизни», – говорится в параграфе 36 пятой главы «Второго трактата о правлении» (Locke, 1728, p. 165)¹². И уже в параграфе 37 Локк делает следующий шаг в своей аргументации: он отсылает читателя не только к природе, но и *знанию о природе*, улучшающему и украшающему окружающую действительность. Заканчивая пассаж о правильной культивации земель как о естественном праве на их собственность, Локк проводит параллель между уровнем агрономической культуры англичан и коренных американцев: «И поэтому я спрашиваю, неужели тысяча акров в диких лесах и необработанных пустошах Америки, оставленных на милость Природы безо всякого улучшения, пахоты и животноводства, смогут обеспечить свое население всем необходимым для жизни, а также прочими удобствами так же хорошо, как и столь же плодородные, но возделанные земли в Девоншире?» (Ibid., p. 167)¹³.

Дж. Локк, который сегодня кажется не тем, за кого мы его принимали, был прежде всего врачом и натуралистом, человеком, сведущим в естественной истории, внесшим значимый практический и теоретический вклад в упрочение идеи (под)разделения природы и – вольно или невольно – в практику легализации социальных реалий через отсылку к природе. Очевидные сегодня расхождения между его «словом и делом» – признак отнюдь не эксцентричности личности и злонамеренности натуры, а лишь длительного игнорирования разрушительного влияния «стратегии натурализации», пленившей не только Локка, но и многих-многих других.

«Оестествление» было наиболее естественным и доступным для Локка способом подкрепления своих философских взглядов в силу его образования, профессиональной рутинной практики и круга общения. Сегодня близость Локка к передовым ученым своего времени очевидна. «Философия Локка так удачно совпала с естественно-научной программой Ньютона благодаря тому, что Локк подчеркивал эмпирический характер любого знания. <...> Локка в XVIII в. считали представителем той же науки, что и Ньютона, и заслугой его считали только создание более продуманных доводов об истоках человеческого знания», – резюмирует Питер Деар роль Локка в формировании естественно-научной картины мира [Деар, Шейпин, 2015,

с. 283]. При этом немногим более полувека назад Локка считали всего лишь дилетантом, любителем порассуждать о науке, остававшимся на обочине исследовательской активности своего времени [Axtell, 1965, p. 235]. О том, что Локк – профессиональный врач, обладающий глубокими познаниями в области естественных наук, специально писал Джеймс Акстелл, апеллируя к авторитету его друга и соратника И. Ньютона [Ibid., p. 240–242]. Сходство способа рассуждения Локка и его принципов врачебной практики отмечал и А. Яковлев в контексте исследования «Опыта о человеческом разумении»: «“Исторический, простой метод” есть наблюдающий, осторожный и делающий выводы исключительно по аналогии способ исследования ума, подобный методу хорошего врача, который ставит диагноз и наблюдает за течением болезни, ориентируясь на симптомы, признаки, проявления, и делает это, находясь, говоря языком Томаса Сиденхема и всей гиппократовской и галеновской традиции, “у постели больного”» [Яковлев, 2015, с. 12]. Важно отметить, что целью своих интеллектуальных занятий и профессиональной деятельности Локк полагал конкретное благо отдельного человека (читателя или пациента), которое заключалось в достижении «довольства и здоровья» и преумножения «числа удобств в этой жизни» [Там же]. Подобная полезность мыслилась как всеобщее благо, однако достижение ее было ограничено. Потенциальная полезность становилась не только ценностью, но и критерием доступного или недоступного человеку. Яковлев объясняет: по Локку, любое расширение человеческих представлений должно отвечать критерию пользы, а если таковая неочевидна или по какой-то причине углубление знания в той или иной области недоступно, следует, что познание такой области бесполезно, тщетно и даже вредно [Там же, с. 20–21].

Пока мы не отдаем себе отчета в «оестествлении» некоторых процессов и отказе другим в этом качестве «природно одобряемого», пока мы пренебрегаем критическим отношением к последствиям применения этой стратегии, мы будем действительно остро нуждаться в оправдании Локка и других «натурализирующих» интеллектуалов. Порицание почившего четыре столетия назад философа не исправит социальных искажений современности.

Порывая с «прошедшим прошлым» или решительно отказываясь от «вигской интерпретации», историки способны в одночасье лишиться себя целой дисциплины: примером служит двойственность подхода Герберта Батерфилда. Опрокидывая одну историографическую традицию в области социальной истории, он в то же время оставался ее сторонником в области истории науки. Его верность концепту «научной революции» шла в разрез с радикальной критикой признанных авторитетов и идей позитивного прогресса кардинальных преобразований в обществе [Jardine, 2003, p. 125]. Однако понятие «научная революция» стало центральным для истории науки как дисциплины. Многолетние дискуссии относительно содержания понятия и целесообразности усилий, предпринимаемых историками науки по выявлению преемственности между современной наукой и тем, что ей предшествовало, а также обширный корпус исследований, созданный как сторонниками, так и противниками традиционной трактовки научной революции, представляются ненепосредственными. Как заметил Вячеслав Раздьяконов, в истории науки «по-видимому, последовательное применение биографического метода неминуемо ведет к разрушению любого эпического нарратива» [Раздьяконов, 2013, с. 139]. На примере изучения наследия Дж. Локка мы убеждаемся в том, насколько важна его «научная», «медицинско-натуралистическая» биография для понимания образа мысли и аргументации.

Как сегодня выстроить общественно-политический дискурс, этику повседневной жизни и практику научных исследований, чтобы не свергать авторитеты, этот вопрос остается открытым. Но в ситуации модного историографического отречения ответ на него стоит приготовить заранее, ведь в противном случае мы окажемся «подвешенными» в трудно определимом историческом времени, полном нерешенных проблем социальном пространстве и, скорее всего, начнем стремительно падать, судорожно соображая, где приземлиться [Латур, 2019].

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея «общего блага» в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

² Гаррис Рогонян поясняет: «Вкратце метод Селларса в эпистемологии можно охарактеризовать как обнаружение неочевидной нормативной составляющей, или, если угодно, нормативной подоплеки, в том, что интуитивно кажется естественно данным, будь то факты, вещи, реальность, переживания или чувства. <...> Эпистемология Селларса, придерживаясь общей установки на натурализм, всегда имеет нормативную изнанку — этим она и отличается, например, от элиминативного материализма, стремящегося редуцировать нормативную составляющую нашего знания и опыта к тому, что поддается эмпирическому исследованию в современных науках» [Селларс, 2021, с. 7–17]. О критике взглядов Локка на сознание и бессознательное с точки зрения психоанализа см. статью А. Бронникова и О. Зайцевой [Бронников, Зайцева, 2016, с. 115–126].

³ Подробный обзор выводов П. Ласлета, а также предположений других исследователей относительно публикации «Двух трактатов о правлении» [Яковлев, 2013, с. 124–177].

⁴ К примеру, Д. Армитедж в своей работе «Идеологические истоки Британской империи» (2002) отводит принципу гомстеда (англ. homestead) одну из ведущих ролей в формировании политико-юридических основ Британской империи [Armitage, 2002, p. 94–106]. На русском языке об этом см. [«Культура духа» vs «Культура разума»..., 2022, с. 184–186].

⁵ В 1697 г. Локк снова вошел в состав обновленного Совета по торговле и плантациям и даже подготовил для участников «Предложения по поводу бедности» – текст, оставляющий столь же разочаровывающее впечатление, как и конституция Каролины, и не встретивший одобрения среди других членов Совета. Локк игнорировал проблему нехватки рабочих мест и считал, что бедные сами виноваты в своем низком материальном достатке по причине лени и развращенности [Готтлиб, 2020, с. 118–119].

⁶ Ныне о. Эдисто, Южная Каролина, США.

⁷ «...Крепостные, называемые в “Основных законах Каролины” литменами, не имели даже права на апелляцию вне рамок суда своего лорда, в котором и должны были разбираться все дела об их преступлениях: таким образом, они находились даже в худшем положении, чем крепостные английского средневековья» [Яковлев, 2013, с. 164].

⁸ Итог размышлений Уилсона наглядно представлен на схеме, в которой, помимо прочего, традиции патернализма и использование рабского труда отнесены к фигуре графа Шефтсбери, тогда как за Локком «закреплены» эгалитаризм и свободный труд [Wilson, 2016, p. 233, fig. 16].

⁹ Нельзя в этой связи не упомянуть одно из первых (и влиятельных по сей день) исследований взаимосвязи научного знания и социального порядка – работу Стивена Шейпина и Саймона Шеффера «Левиафан и воздушный насос: Гоббс, Бойль и экспериментальная жизнь» [Shapin, Schaffer, 2011].

¹⁰ Целью посольства было убедить курфюрста Бранденбурга занять нейтралитет в надвигающейся войне Англии с Голландией. По возвращении в 1666 г. Локку было предложено еще два дипломатических поручения, в Испанию и Швецию, которые он последовательно отклонил, вероятно, не чувствуя себя способным к дипломатической службе.

¹¹ Понятие «деонтология» впервые появляется в заглавии работы Иеремии Бентама «Деонтология, или наука о морали» (Deontology or The Science of Morality, 1834).

¹² В пер. Ю. В. Семенова: «Меру собственности природа правильно установила в соответствии с тем, как далеко простираются труд человека и его жизненные удобства...» (Локк, 1988, с. 281).

¹³ В пер. Ю. В. Семенова: «Ибо, спрашиваю я, разве может тысяча акров земли, находящейся в диких лесах и невозделанных пустошах Америки, оставленной в естественном состоянии, без какого-либо улучшения, пахоты или животноводства, дать своим нуждающимся и жалким обитателям столько же жизненных благ, сколько дают десять акров столь же плодородной земли в Девоншире, где они хорошо возделаны?» (Локк, 1988, с. 283).

Список источников

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1985. Т. 2. 561 с.

Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 262–405.

Locke J. Two Treatises of Government: On the Former, The False Principles and Foundation of Sir Robert Filmer and his Followers, are Detected and Overthrown. London: printed for A. Bettesworth in Pater-Woster-Row, J. Pemberton in Fleetstreet, and E. Symon in Cornhill, 1728. 308 p.

Locke's Two Treatises of Government: A Critical Edition with Introduction and Notes by Peter Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 521 p.

Библиографический список

- Баркли К.* Влюбляясь в мертвых [Электронный ресурс] / пер. с англ. С. Анисимовой // DOXA. 2019. URL: https://doxajournal.ru/stadis/love_with_dead (дата обращения: 25.02.2022).
- Бевернаж Б.* «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе истористского прошлого // Логос. 2021. Т. 31, № 4. С. 65–94.
- Бронников А., Зайцева О.* От Локка к Лакану // Логос. 2016. Вып. 26, № 6. С. 115–126.
- Готтлиб Э.* Глава 4. Локк // Мечта о Просвещении. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 174–233.
- Депар П., Шейтин С.* Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.
- «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2022. 1079 с.
- Латур Б.* Где приземлиться? Опыт политической ориентации / пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2019. 202 с.
- Раздьяконов В.* Концепт «история виггов» в новой историографии Научной революции // Государство, религия, церковь. 2013. Вып. 31, № 1. С. 131–149.
- Селларс У.* Эмпиризм и философия сознания / пер. с англ. Г.С. Рогоняна. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2021. 218 с.
- Тимонин А.Н.* Универсальные категории Джона Локка и американские реалии: критический очерк идейных основ колониализма и империализма // Правовое государство. Теория и практика. 2016. Вып. 44, № 2. С. 147–154.
- Харауэй Д.* Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.
- Яковлев А.А.* Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 423 с.
- Яковлев А.А.* Бритва Локка // История философии. 2015. Т. 20. С. 5–24.
- Anstey P., Burrows J.* John Locke, Thomas Sydenham, and the Authorship of Two Medical Essays // Electronic British Library Journal. 2009. Article 3. 42 p.
- Armitage D.* The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 258 p.
- Armitage D.* John Locke: Theorist of Empire? // Empire and Modern Political Thought / ed. by Sankar Muthu. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 84–111.
- Arneil B.* 'All the World was America' John Locke and the American Indian. London: University College London, 1992. 419 p.
- Arneil B.* Trade, Plantations, and Property: John Locke and the Economic Defense of Colonialism // Journal of the History of Ideas. 1994. Vol. 55, no. 4. P. 591–609.
- Axtell J.L.* Locke, Newton and the Elements of Natural Philosophy // Paedagogica Europaea. 1965. Vol. 1. P. 235–245.
- Baker R.* Medical Ethics' Appropriation of Moral Philosophy: The Case of the Sympathetic and the Unsympathetic Physician // Kennedy Institute of Ethics Journal. 2007. Vol. 17, no. 1. P. 2–22.
- Corcoran P.* John Locke on the Possession of Land: Native Title vs. the 'Principle' of Vacuum Domicilium // The European Legacy. 2007. Vol. 23, no. 3. P. 225–250.
- Crignon C.* Galenic Heritage in Locke's Medical Philosophy: From Locke's Medical Remains to His Reflection on Education // Galen and the Early Moderns. 2022. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03382894/document> (accessed: 25.02.2022).
- Daston L.* Against Nature. Cambridge, MA: MIT Press, 2019. 96 p.
- Esterbay-Smith S.* Cultivating Commerce. Culture of Botany in Britain and France, 1760–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 239 p.
- Farr J.* Locke, "Some Americans", and the Discourse on "Carolina" // Locke Studies. 2009. No. 9. P. 19–96.
- Jardine N.* Whigs and stories: Herbert Butterfield and the Historiography of Science // History of Science. 2003. Vol. XLI. P. 125–140.
- Reddy W.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p.
- Rosenwein B., Cristiani R.* What is the History of Emotions? Cambridge: Polity, 2018. 163 p.

Sanchez-Gonzales M.A. Medicine in John Locke's Philosophy // *The Journal of Medicine and Philosophy*. 1990. Vol. 15, no. 6. P. 675–695.

Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the AirPump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors). Princeton: Princeton University Press, 2011 (1985). 456 p.

Short B.W. The Healing Philosopher: John Locke's Medical Ethics // *Issues in Law and Medicine*. 2004. Vol. 20, no. 2. P. 103–154.

Talbot A. "The Great Ocean of Knowledge": The Influence of Travel Literature on the Work of John Locke. Boston: Brill, 2010. 348 p.

Tuck R. The Rights of War and Peace. Oxford: Oxford University Press, 1999. 234 p.

Tully J. Rediscovering America: the Two Treatises and Aboriginal Rights // *An Approach to Political Philosophy: Locke in Contexts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 137–176.

Tully J. Strange Multiplicity: Constitutionalism in an Age of Diversity. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1995. 253 p.

Wilson Th.D. The Ashley Cooper Plan: The Founding of Carolina and the Origins of Southern Political Culture. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2016. 304 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.11.2022

JUSTIFYING OF JOHN LOCKE: "NATURALIZATION" OF BRITISH IMPERIALISM?¹

Yu. S. Shipitsyna

Ural Federal University, Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russia

shipitsyna.phd@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6257-0995

ResearcherID: rid59708

Scopus Author ID: 57233239300

The article is devoted to the problem of revaluing John Locke's intellectual heritage. The denial of the "myth of the Given" in the tradition of empirical philosophy, the reconstruction of the political context of writing "The Two Treatises of Government", as well as the criticism of post-colonial historians in the second half of the 20th century placed Locke's authority in doubt. The paper analyzes the traditions of Locke's "accusation" and "defense" that have developed in foreign and native historiography. The tradition of the accusation is based on some facts of the biography of Locke, including his concern with the writing of the Constitution of Carolina (16) and ownership of some territories of this colony, as well as his closeness to his patron Anthony Ashley Cooper, 3rd Earl of Shaftesbury and the circumstances of Exclusion Crisis, in which he was participated. But even more resonant are some of Locke's theories and arguments, as well as the logic of reasoning in his famous essays "Two treatises of government" and "An Essay concerning human understanding". The tradition of defense appeal to the complex context of Locke's life and writings. Locke's discourse of justification has been researched from the point of view of the emotional reflection of professional historians, as well as a general crisis in historical consciousness, efforts to resolve which were realized in the term of "pastness of the past". This approach defines new research. Moreover, the author pays attention to the actualization of Locke's professional experience in the area of medicine in the works of historians. Comprehensive knowledge of natural history, as well as long-term medical practice, not only influenced Locke's ethics, but also determined his logic of argumentation. Locke's favorite strategy for approving his ideas seems to be naturalization as giving a natural character to social terms and appeal for examples and proofs to natural phenomena.

Key words: John Locke, Thomas Sydenham, scientific revolution, imperialism, deontology, naturalization, "pastness of the past".

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, the project № 22-18-00488 "The Crisis of Values and the Coping Strategies: the Idea of the "Common Wealth" in the Intellectual discourse of Britain and Russia (1650–1750)".

References

Armitage, D. (2000), *The Ideological Origins of the British Empire*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 258 p.

Armitage, D. (2012), "John Locke: Theorist of empire?", in Muthu, S. (ed.), *Empire and Modern Political Thought*, Cambridge University Press. Cambridge, UK, pp. 84–111.

- Arneil, B. (1992), “*All the World was America*”: *John Locke and the American Indian*. University College of London, London, UK, 419 p.
- Arneil, B. (1994), “Trade, Plantations, and Property: John Locke and the Economic Defense of Colonialism”, *Journal of the History of Ideas*, vol. 55, № 4, pp. 591–609.
- Axtell, J. L. (1965), “Locke, Newton and the Elements of Natural Philosophy”, *Paedagogica Europaea*, vol. 1, pp. 235–245.
- Baker, R. (2007), “Medical Ethics’ Appropriation of Moral Philosophy: The Case of the Sympathetic and the Unsympathetic Physician”, *Kennedy Institute of Ethics Journal*, vol. 17, № 1, pp. 2–22.
- Barclay, K. (2019), “Falling in love with the dead”, *DOXA*, available at: https://doxajournal.ru/stadis/love_with_dead (accessed 25.02.2022).
- Bevernage, B. (2021). “The pastness of the past: some reflections on the politics of historization and the crisis of historicist pastness”, *Logos*, vol. 31, № 4, pp. 65–94.
- Bronnikov, A. & O. Zaytseva (2016), “From Locke to Lacan”, *Logos*, vol. 26, № 6, pp. 115–126.
- Carey, D. (2013), “Locke’s Species: Money and Philosophy in the 1690s”, *Annals of Science*, vol. 70, № 3, pp. 357–80.
- Corcoran, P. (2007), “John Locke on the Possession of Land: Native Title vs. the ‘Principle’ of Vacuum domicilium”, *The European Legacy*, vol. 23, № 3, pp. 225–250.
- Crignon, C. (2022), “Galenic Heritage in Locke’s Medical Philosophy: From Locke’s Medical Remains to His Reflection on Education”, in *Galen and the Early Moderns*, available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03382894/document> (accessed 25.02.2022).
- Daston, L. (2019), *Against nature*, MIT Press, Cambridge, USA, 96 p.
- Dear, P. & S. Sheypin (2015), *Nauchnaya revolyutsiya kak sobytie* [Revolutionizing the sciences. European knowledge and its ambitions, 1500 – 1700. The Scientific revolution], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 576 p.
- Esterbay-Smith, S. (2018), *Cultivating Commerce. Culture of Botany in Britain and France, 1760–1815*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 239 p.
- Farr, J. (2009), “Locke, «Some Americans», and the Discourse on «Carolina»”, *Locke Studies*, № 9, pp. 19–96.
- Gottlib, E. (2020), *Mechta o Prosveshchenii* [Dream about Enlightenment], Alpina non-fikshn, Moscow, Russia, 411 p.
- Haraway, D. (2020), *Ostavayas' so smutoy. Zavodit' sorodichey v Khtulutsene* [Staying with the trouble. Making kin in the chtulucene], Gile Press, Perm, Russia, 340 p.
- Jardine, N. (2003), “Whigs and stories: Herbert Butterfield and the historiography of science”, *History of Science*, vol. XLI, pp. 125–140.
- Kolia, Z. (2015), *The Capitalocene, Coloniality and Theology: John Locke, British Colonial Expansion and World Ecology* (Paper presented at the conference, World Society, Planetary Natures: Crisis and Sustainability in the Capitalocene and Beyond, Binghamton University, July 9-11, 2015), available at: <https://worldecologynetwork.files.wordpress.com/2015/08/kolia-formatted.pdf> (accessed 25.02.2022).
- Repina, L.P. (ed.) (2022), «*Kul'tura dukha*» vs «*Kul'tura razuma*»: *intellektualy i vlast' v Britanii i Rossii v XVII – XVIII vekakh* [“Culture of the spirit” vs “Culture of the reason”. Intellectuals and power in Britain and Russia in the XVII–XVIII centuries], Akvilon, Moscow, Russia, 1079 p.
- Latour, B. (2019), *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoy orientatsii* [Ou Atterir? Commen S'Orientir en Politique], Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta, St Petersburg, Russia, 202 p.
- Locke, J. (1728), *Two Treatises of Government: On the Former, The false Principles and Foundation of Sir Robert Filmer and his Followers, are Detected and Overthrown*, Printed for A. Bettesworth in Pater-Woster-Row, J. Pemberton in Fleetstreet, and E. Symon in Cornhill, London, UK, 308 p.
- Locke, J. (1960), *Locke's Two Treatises of Government: A Critical Edition with Introduction and Notes by Peter Laslett*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 521 p.
- Lokk, Dzh. (1985), “An Essay Concerning Human Understanding”, in Lokk, Dzh., *Sochineniya* [Essays], Mysl', Moscow, USSR, vol. 2, 561 pp.
- Lokk, Dzh. (1988), “Two Treatises of Government”, in Lokk, Dzh., *Sochineniya* [Essays], Mysl', Moscow, USSR, vol. 3, pp. 262–405.
- Morton, T. (2022), *Rod chelovecheskii. Solidarnost' s nechelovecheskim narodom* [Humankind. Solidarity with Nonhuman People], Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, Russia, 368 p.
- Plamper, J. (2018), *Istoriya emotsiy* [The history of emotions], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 568 p.
- Razdyakonov, V. (2013), “The concept of “Whig History” in new historiography of the Scientific Revolution”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov'*, vol. 31, № 1, pp. 131–149.
- Reddy, W. (2001), *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 380 p.
- Rosenwein, B. & R. Cristiani (2018), *What is the History of Emotions?*, Polity, Cambridge, UK, 163 p.

- Sanchez-Gonzales, M.A. (1990), "Medicine in John Locke's philosophy", *The Journal of Medicine and Philosophy*, vol. 15, № 6, pp. 675–695.
- Sellars, W. (2021), *Empirizm i filosofiya soznaniya* [Empirism and the philosophy of mind], Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, 218 p.
- Shapin, S. & S. Schaffer (2011), *Leviathan and the AirPump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors)*, Princeton, Princeton University Press, USA, 456 p.
- Short, B.W. (2004), "The healing philosopher: John Locke's medical ethics", *Issues in Law and Medicine*, vol. 20, № 2, pp. 103–154.
- Talbot, A. (2010), *"The Great Ocean of Knowledge": The Influence of Travel Literature on the Work of John Locke*, Boston, Brill, USA, 348 p.
- Timonin, A.N. (2016), "The Universal categories of John Locke and American circumstances: critical essay of colonialism and imperialism ideological bases", *Pravovoe gosudarstvo. Teoriya i praktika*, vol. 44, № 2, pp. 147–154.
- Tuck, R. (1999), *The Rights of War and Peace*, Oxford University Press, Oxford, UK, 234 p.
- Tully, J. (1993), "Rediscovering America: the Two Treatises and aboriginal rights", in *An Approach to Political Philosophy: Locke in Contexts*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 137–176.
- Tully, J. (1995), *Strange Multiplicity: Constitutionalism in an Age of Diversity*, Cambridge University Press, Cambridge and New York, 253 p.
- Wilson, Th.D. (2016), *The Ashley Cooper Plan: The Founding of Carolina and the Origins of Southern Political Culture*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, NC, USA, 304 p.